

Русское высшее образование в Китае

А. А. Хисамутдинов

Статья поступила
в редакцию
в июне 2015 г.

Хисамутдинов Амир Александрович – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета. Адрес: Владивосток, 690950, ул. Суханова, 8. E-mail: khisamut@yahoo.com

Аннотация. В первой половине XX в. русские эмигранты создали в Китае сеть высших учебных заведений, основанных на дореволюционной образовательной системе России. На основании публикаций в периодике, а также мемуарной литературы автор прослеживает историю наиболее значительных учебных заведений: Юри-

дического факультета в Харбине, Харбинского политехнического института, Государственного высшего педагогического института, Института ориентальных и коммерческих наук. В этих учебных заведениях формировалась и китайская интеллигенция: русские педагоги успешно обучали будущих инженеров, юристов, востоковедов, учителей, богословов и музыкантов.

Ключевые слова: история образования, высшее образование, русское образование в Китае, эмиграция, российско-китайские отношения.

DOI: 10.17323/1814-9545-2015-4-274-291

При разработке текущих реформ высшей школы совершенно не учитывается опыт российских эмигрантов в Китае, а между тем он, безусловно, заслуживает внимания, поскольку беженцы из России смогли в иноязычной культурной среде без всякой государственной помощи организовать высшие учебные заведения и успешно выпускать специалистов, которые нашли свое место в жизни. В период Гражданской войны в России (1918–1922 гг.) в Китае оказались сотни тысяч беженцев. Современные исследователи отмечают, что русские эмигранты старались селиться вблизи границы, предполагая вернуться на родину, как только падет власть коммунистов.

В начальный период эмиграции наибольшее число беженцев задерживалось в Харбине, построенном русскими административном центре Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), где они составляли значительную часть населения, где имелись русские школы, а администрация, полиция, суд и другие учреждения функционировали (до 1924 г.) по российским законам. Дети первостроителей и служащих железной дороги, окончив местные школы, могли продолжить образование только на родине, хотя вопрос о создании собственных высших учебных за-

ведений зоны КВЖД поднимался уже в 1916 г., когда в Харбине по инициативе железнодорожной администрации был образован Комитет по высшему образованию. Его члены начали сбор пожертвований для открытия в Харбине университета с юридическим, экономическим и техническим факультетами и медицинской школой. В 1917 г. в связи с революционными событиями в России работа комитета прервалась, но уже летом следующего года возобновилась благодаря появлению в Харбине первых беженцев, среди которых оказались и профессора российских вузов, и недоучившиеся студенты.

Сбор пожертвований шел не так активно, как предполагали энтузиасты, но им все же удалось к 1920 г. собрать некоторую сумму. Для учреждения университета этих средств не доставало, поэтому решили ограничиться созданием двух более мелких учебных заведений: Высших экономико-юридических курсов (в дальнейшем Юридический факультет) и Русско-Китайского технического колледжа (в дальнейшем Харбинский политехнический институт). Массовый приезд в Харбин в 1920–1922 гг. беженцев из России (по разным источникам, от 500 тыс. до 800 тыс. человек) обусловил открытие большого числа русских учебных заведений, в том числе высших: Педагогического института, Института ориентальных и коммерческих наук. В ноябре 1923 г. в Харбине был основан и Народный университет, просуществовавший всего один год¹.

Юридический факультет открылся в Харбине 1 марта 1920 г. как Высшие экономико-юридические курсы. Первый набор составили 98 человек, среди которых было много вольнослушателей. Интенсивно занимаясь вечерами в здании Харбинского коммерческого училища, они прошли программу первого курса за четыре месяца. С сентября 1920 г. курсы начали второй академический год всего с 15 студентами, так как вольнослушатели к занятиям уже не допускались. Учебная программа была такой же, как на юридических факультетах в России, с добавлением некоторых специальных дисциплин, необходимых для работы на КВЖД: китайское государственное и гражданское право, железнодорожные тарифы и т. д. Как отмечал историк Юридического факультета Н. П. Автономов, «помимо юридического факультета организовано экономическое отделение с тремя подотделами: восточно-экономическим, коммерческим и железнодорожным; организованы подготовительные курсы для китайских молодых людей, которые по окончании классов могли переходить на Факультет и слушать лекции русских профессоров на русском языке».

Юридический факультет

¹ Музей русской культуры в Сан-Франциско (США). Коллекция Н. В. Борзова. В. 18, f. 7.

ке. Значительно разрослась профессорская и преподавательская корпорация — только на Русском факультете, без личного преподавательского состава Подготовительных классов, число академических работников доходило до 54. Значительно увеличивается число студентов. Ко времени окончания этого периода студентов вместе со слушателями Подготовительных классов было свыше тысячи» [Автономов, 1938. С. 23]. Некоторые лекции читались на китайском языке.

В 1921 г. курсы получили аккредитацию Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) во Владивостоке, утвержденную министром образования Приамурского правительства (меркуловского), и стали называться Юридическим факультетом ГДУ. Предполагалось, что впоследствии в Харбине появятся и другие факультеты и со временем сформируется самостоятельный университет [Там же. С. 8]. Но Юридический факультет под таким названием просуществовал до своего закрытия, так и не став настоящим университетом, а с установлением на российском Дальнем Востоке осенью 1922 г. советской власти сотрудничество между вузами прекратилось.

До сентября 1920 г. Китай признавал владельцем КВЖД дореволюционную русскую железнодорожную администрацию во главе с генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом, благодаря которому большевики не смогли захватить здесь власть. Только в феврале 1921 г. по договоренности с китайцами КВЖД была объявлена международным акционерным предприятием и перешла в управление Международного технического комитета, а в 1924 г. Советский Союз добился соглашения с Китаем о совместном управлении дорогой. Существовавшая в 1920–1922 гг. Дальневосточная республика (ДВР) тоже пыталась заявить права на КВЖД и установить контроль над русскими в этом районе. Согласно указу Министерства народного просвещения ДВР обучаться в вузах Харбина разрешалось только тем, кто окончил школы, находившиеся в ведении органов народного образования, подведомственных министерству: «Указанный порядок установлен вследствие ненормального положения, в котором находились средние школы в полосе отчуждения КВЖД благодаря отсутствию там Советского государственного органа, могущего контролировать эти школы со стороны учебно-воспитательной работы»².

Если указ властей ДВР относительно организации школьного дела в полосе отчуждения КВЖД остался незамеченным, то совместное советско-китайское управление оказало значительное влияние на работу русских вузов в Маньчжурии: сократилась финансовая помощь, были отменены льготы по оплате обучения, при приеме на учебу и работу преимущество отдавалось тем, кто

² Государственный архив Приморского края. Ф. 117. Оп. 3. Д. 10. Л. 17.

имел советский или китайский паспорт. Вместе с тем усилился интерес китайских граждан к изучению русского языка и повышению профессиональной квалификации. Поскольку в Харбине не существовало учебных заведений европейского типа, кроме русских вузов, набор в них существенно вырос.

Преподавателями Юридического факультета были многие известные ученые, в том числе прибывшие из Владивостока. Лекции по истории философии права читал доктор философии Л. А. Зандер, ранее преподававший этот курс в ГДУ. Юрист и экономист В. Я. Исакович, заведовавший в 1916–1922 гг. отделением Русско-Азиатского банка во Владивостоке, читал лекции по банковскому делу и денежной системе Китая. Один из организаторов Юридического факультета, работавший со дня его основания до закрытия, выпускник Московского коммерческого института экономист М. В. Абросимов читал лекции и вел практические занятия по политэкономии. Первого декана Н. В. Устрялова через год сменил на этом посту юрист Н. И. Миролюбов, изучавший китайскую юриспруденцию в Маньчжурии.

После смерти Миролюбова в 1927 г. деканом Юридического факультета был единогласно избран В. А. Рязановский, работавший в 1918–1922 гг. в качестве профессора в Томском, Иркутском и Дальневосточном университетах. Он считал, что русские беженцы нуждаются в юридической помощи, а потому задача факультета — как можно скорее подготовить квалифицированных русских юристов. Рязановский читал курсы гражданского права, гражданского процесса, китайского гражданского права, догму римского права и вел семинары по гражданскому праву. «Гражданское право, — вспоминала бывшая студентка, — и гражданский процесс читал профессор Валентин Александрович Рязановский, типичный русский интеллигент чеховского типа, с небольшой бородкой, легкими светлыми волосами, худощавый; он казался человеком не особенно крепкого здоровья. Читал он свои лекции негромким голосом, как бы разговаривая, прохаживаясь по классу из угла в угол» [Рачинская, 1990. С. 180–181]. «Я не сомневаюсь в том, — говорил студентам профессор, — что пройдет еще несколько лет, и в России юридическое образование займет приличествующее ему место, ибо там, где существуют юридические нормы, как бы их ни называть — законами, декретами, указами, постановлениями и так далее, — всегда нужны люди, которые могли бы истолковывать эти юридические нормы и применить их к жизни»³. Рязановский с коллегами еще не догадывались, что нормы права в Советской России трактовались весьма своеобразно. Под влиянием сменовеховцев они думали, что в России возникает новое правовое государство.

---

³ Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2014. Л. 4.

В 1923 г. по предложению В.А. Рязановского на Юридическом факультете было введено изучение китайского языка и китайского права. В 1925 г. он способствовал открытию при факультете экономического отделения, а в 1926 г. — восточного отдела, тем самым придав факультету еще больший краеведческий уклон. В докладе о деятельности факультета Рязановский сообщал: «Восточно-экономический подотдел носит краевой характер, имеет целью создать образованных деятелей в различных областях, и главным образом экономической, здесь, на месте. В Маньчжурии сталкиваются экономические интересы Китая, России и Ниппон. В силу этого подотдел подразделяется на два цикла: китаеведения и ниппоноведения. Здесь, кроме основных экономических и юридических дисциплин, преподаются: география Восточной Азии (главным образом Китая и Ниппон), история Восточной Азии, этнография Восточной Азии, экономическая география Восточной Азии, история культуры Китая, государственное право Китая и Ниппон, гражданское право Китая и Ниппон, международные отношения в Восточной Азии, пути сообщения Восточной Азии, банковская и денежная система Китая, экономика хозяйства, торговли и промышленности Маньчжурии, английский язык, ниппонский язык и др. Для экономиста, желающего работать на Дальнем Востоке, мы даем сведения по географии, истории, этнографии, праву, экономике стран Дальнего Востока (главным образом Китая и Ниппон), и мы будем учить его, главным образом, разговорному языку и затем уже современному литературному китайскому или ниппонскому языку. Наша цель практическая: дать возможность таким лицам работать в крае и в пределах этого»⁴.

В 1931 г. на факультете были открыты курсы китайского и японского языков во главе с С. Н. Усовым, который владел китайским языком с детства. Закончив экстерном восточно-экономический подотдел Юридического факультета, он опубликовал серию учебников и учебных пособий по китайскому и русскому языкам, иероглифике, фонетике и фонетическим упражнениям, методике преподавания языка.

В. А. Рязановский понимал, что невозможно поднять уровень профессиональной подготовки русских юристов, находясь в Маньчжурии. Он помогал коллегам отправиться в Париж и защитить диссертации перед авторитетной комиссией Русской академической группы. В 1925 г. там защитил диссертацию «Очерки государственного права Китая» заведующий кафедрой административного права В. В. Энгельфельд. Через четыре года успешно защитили диссертации Г. К. Гинс («Водное право») и М. В. Абросимов.

Рязановский поддерживал отношения и с учеными из Советской России. Свидетельство тому — его переписка с известным

⁴ Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2014. Л. 5.

востоковедом В. М. Алексеевым, которому он посылал новую литературу и образцы китайского письма, вырезки из газет. «Под моим неустанным наблюдением, — писал Рязановский, — скоро будут выпущены новые труды по китайскому уголовному, административному и торговому праву (если у Факультета будут средства) и т. д. <...> В частности, я стараюсь систематизировать работу членов Ф-та, ставить определенные задачи (изучение права Китая, финансов Китая, общий обзор современного состояния Китая). И лично я стараюсь посылать участвовать в указанной работе — как работами по гражданскому праву и процессу вообще, так в особенности по восточному праву. За последние годы, несмотря на ответственную работу на КВЖД, на администраторские обязанности по Фак-ту, на преподавательскую работу (нагрузка, как видите, немалая), я все же кое-что сделал и в области науки. Кроме большой работы — лекции по гражданскому праву (участник в 5 выпусках, около 500 стр., изд. 1922–1924), ряд очерков и статей по гражданскому праву и процессу, — я напечатал ряд больших и малых работ по монгольскому и китайскому праву.<...> Недостатком моих последних работ, между прочими недостатками, является и незнание восточных языков. Я изучал в свое время монгольский язык и начал здесь изучать китайский, но недостаток времени не дал мне возможности довести эту работу до желательных результатов. <...> Должен признаться, что, состоя пятый год деканом Фак-та в местных условиях и наряду с другой работой, я уже начинаю выбиваться из сил и нуждаюсь в передышке и мечтаю о том, когда можно будет в сравнительно спокойной обстановке, не торопясь между мелкими заботами дня, научно поработать. <...> Чувствуя силы и способности на большее, принужден был все эти годы ограничиваться возможным и только мечтать о большой научной работе. А время идет, годы уходят, и силы убывают (сегодня как раз исполнилось 45 лет)»⁵.

В. М. Алексеев писал В. А. Рязановскому, что смотрит на профессоров Юридического факультета как «на форпост русской науки и культуры».

Харбинский политехнический институт был открыт 18 апреля 1920 г. как Русско-Китайский технический колледж с двумя факультетами: дорожно-строительным (путейским) и механическим. В основу обучения на дорожно-строительном факультете была положена программа Института инженеров путей сообщения, поскольку в нем учились почти все инженеры-путейцы, занятые на КВЖД и ставшие по совместительству преподавателями колледжа. Через два года колледж был переименован в Русско-

**Другие русские
вузы в Харбине**

⁵ Архив Петербургского отделения Российской академии наук. Ф. 820. Оп. 3. Д. 699. Л. 6–7.

Китайский политехнический институт, а в ноябре 1928 г. получил свое окончательное название — Харбинский политехнический институт (ХПИ) [Щелков, 1922. С. XIV–XVIII; Краткий очерк возникновения и деятельности... 1921]. Первый набор составили 110 студентов, среди которых были и китайцы. К 1925 г. число студентов увеличилось до 445, а в 1926 г. — до 650 человек.

Техническое образование находило всестороннюю поддержку у администрации КВЖД, Харбинского муниципалитета, Харбинской фондовой биржи, а также жителей Харбина. Наибольшую финансовую помощь оказывала КВЖД, в бюджете которой предусматривалась существенная ежегодная субсидия колледжу: первые несколько лет она составляла 50 тыс. золотых рублей. Большая заслуга в выделении средств колледжу принадлежала управляющему дорогой Н. В. Остроумову. Администрация КВЖД передала институту здание бывшего Российского консульства и ряд других строений в центре Харбина, а также поощряла своих служащих к преподаванию в новом институте.

Н. П. Автономов отмечал: «Преподавательский состав Института был высококвалифицированным, соединяя в себе людей с необходимой научной подготовкой и серьезным инженерным стажем, почему учебное дело в Институте стояло на должной высоте. <...> Институт с самого начала своего существования работал при очень благоприятных условиях: имел компетентную лекторскую коллегию, разработанный учебный план, предусматривавший и широкую постановку практических занятий студентов, имел нужные лаборатории, кабинеты, библиотеку, мастерские, прекрасное бесплатное помещение, устойчивый бюджет, достаточное число платежеспособных студентов» [Автономов, 1960. С. 30].

Как и профессора Юридического факультета, их коллеги из ХПИ помимо преподавания занимались исследованиями, публикуя их результаты сначала в «Известиях и трудах Русско-Китайского политехнического института», а затем в «Известиях и трудах Харбинского политехнического института». С 1923 по 1934 г. вышло шесть томов «Известий». Кроме того, выпускались сборники лекций профессоров по отдельным дисциплинам, которые отчасти компенсировали недостаток учебников. В 1922–1923 гг. организовывались также тематические межвузовские сборники «Высшая школа в Харбине».

Задачей *Государственного высшего педагогического института*, основанного в Харбине 31 сентября 1925 г., было обеспечение учителями местных русских школ [Золотарева, 1975. С. 15–16]. Первый ректор, профессор С. В. Кузнецов, руководил институтом до 1935 г. На двух факультетах, филолого-историческом и физико-математическом, обучение продолжалось четыре года. Помимо педагогических дисциплин и избранной специальности студенты слушали лекции по истории, искусству, литературе

ре, науке и коммерции. Как и на Юридическом факультете, здесь преподавались регионоведческие дисциплины: география, история, политическое устройство, культура Японии и Китая. Будущие учителя изучали также латынь, английский язык, основы китайского и японского языков. Заключительный год обучения посвящался практической работе в детском саду и гимназии, которые были открыты при институте. За 11 лет существования институт выпустил 48 педагогов: 35 с филолого-исторического факультета и 11 с физико-математического. И здесь среди выпускников были китайские граждане.

Институт ориентальных и коммерческих наук открылся в 1925 г. под первоначальным названием Восточно-коммерческий институт по инициативе востоковеда А. П. Хионина и группы его единомышленников из Общества русских ориенталистов в Харбине. Управление институтом осуществляли три органа: правление, дирекция и академический совет. Обучение на двух факультетах, ориентальном (восточно-экономическом) и коммерческом, велось по программам и учебникам Восточного института, работавшего во Владивостоке в 1899–1920 гг., его выпускниками были многие преподаватели харбинского вуза.

Основной упор делался на практическое изучение китайского, японского и английского языков. Общими для факультетов были такие дисциплины, как английская корреспонденция, языковедение, география и история Китая, Японии, Кореи, Монголии и Тибета, коммерческо-экономическая география стран Дальнего Востока, экономика Маньчжурии, сибиреведение, история европейской культуры, проблемы Тихого океана, государственное устройство Дальнего Востока, история торговли, коммерческая корреспонденция, коммерческие и банковские вычисления, высшая математика, страховое дело, товароведение, история и теория кооперации, статистика, политическая экономия, государственное право, общее международное право, финансовое право, железнодорожное право, уголовное право, основные положения китайского и гражданского права.

«Для совершенствования в китайском языке, — вспоминал один из учеников А. П. Хионина, — деканом факультета был сделан специальный подбор текстов, дающих студентам полное знакомство с юридическими, административными и коммерческими терминами, с газетным стилем и с преобладающими течениями общественной мысли у дальневосточных народов. Благодаря введенному в средних школах обязательному изучению восточных языков уровень знаний поступающих на первый курс факультета становился выше, и это обстоятельство также отразилось на значительном расширении программы факультета по языкам» [Г.К., 1979. С. 7]. Понимая, что будущим специалистам требуется и серьезная научная подготовка, А. П. Хионин помог лектору института А. И. Галичу создать в октябре 1928 г. кружок востоковеде-

ния, который стал настоящим научным студенческим обществом. В это время А. П. Хионин напряженно работал над фундаментальным трудом — Новейшим китайско-русским словарем, который увидел свет в 1930 г. и получил высочайшую оценку востоковедов.

Реорганизация харбинских вузов, японизация учебного процесса

Период 1925–1929 гг. был временем стабильности в истории русского высшего образования в Харбине. Несмотря на нехватку денег, преподавателей, книг и учебных пособий, русские вузы эффективно использовали имеющиеся ресурсы и уверенно работали, ежегодно выпуская специалистов. После установления в 1932 г. в Маньчжурии прояпонского марионеточного правительства возник ряд факторов, которые негативно влияли на деятельность русских учебных заведений: политические проблемы, продажа КВЖД, отъезд из Харбина многих русских, наконец, что в итоге оказалось решающим, стремление японских властей ликвидировать все русские образовательные учреждения. Последовала реформа харбинских вузов, началась японизация учебного процесса.

Положение Юридического факультета стало ухудшаться еще с весны 1929 г., когда он перешел под китайское управление с назначением ректора-китайца. В. А. Рязановский принял решение уйти со своей должности. В знак признания его заслуг перед факультетом его избрали почетным членом совета профессоров, а в помещении факультета вывесили его портрет. Последним деканом стал Н. И. Никифоров, «человек довольно плотного сложения, с очень выразительным лицом и очень яркой и отчетливой манерой изложения своего предмета — истории русского права, он неизбежно вызывал желание углубиться в историю нашей страны, подойти к ее истокам, осмыслить ее особенности. Другой, факультативный предмет, который читал Николай Иванович, — „Французская революция“ — давал полную свободу его ораторскому таланту и умению ярко и выпукло нарисовать картину великой французской смуты и провести необходимые неизбежные параллели» [Рачинская, 1990. С. 180–181].

В марте 1936 г. Юридический факультет был вынужден объединиться с Педагогическим институтом, чтобы сократить административные расходы, но и в таком виде смог продержаться лишь чуть больше года, пока 1 июля 1937 г. не закрылся окончательно. Администрация Педагогического института, чье финансовое обеспечение также резко ухудшилось, пыталась спасти положение с помощью публичных лекций и различных курсов, но и это не помогло. Вся собственность Юридического факультета и Педагогического института была передана Высшему коммерческому институту, созданному в апреле 1937 г. японской администрацией. Туда же перешли некоторые профессора и часть студентов.

На последнем заседании экзаменационной комиссии факультета Н. И. Никифоров подвел итоги деятельности учебного заведения. За 17 лет через него прошли около 3 тыс. человек, а окончили его по всем отделениям 299 человек, из них 172 юриста. Около ста человек получили выпускные свидетельства. Большинство были русскими, но встречались также китайцы, маньчжуры, немцы, литовцы, латыши [Никифоров, 1934. С. 19]. Выпускники в основном занимались юридической практикой, работали на железной дороге, преподавали в учебных заведениях, служили в суде, таможне. Очень многие выпускники факультета занимались журналистикой или литературной деятельностью. Наиболее известным из выпускников был дубань⁶ Северо-Маньчжурской железной дороги Ли Шао-ген [Закрытие Юридического факультета..., 1938; История Юридического факультета..., 1938].

Был реорганизован и Институт ориентальных и коммерческих наук: в сентябре 1934 г. он влился на правах восточно-экономического факультета (декан — А. П. Хионин) в Институт Святого Владимира, открытый в помещении одной из харбинских гимназий с М. П. Головачевым в качестве первого ректора [Лидин, 1937. С. 321]. «Перед Институтом Св. Владимира стоит великая задача — быть рассадником национальной русской науки», — говорил на открытии института архиепископ Мелетий, избранный в 1935 г. почетным ректором института [Открытие института Святого Владимира..., 1934. С. 321]. Русские эмигранты, живя среди чуждых их культуре народов, поневоле теряли свою самобытность, и церковь всеми силами пыталась воспрепятствовать этому. Институт Святого Владимира имел единственный факультет, богословский, ставивший целью распространение богословско-философских знаний. Слушатели проходили 4-годичный курс по программе православных духовных академий. Принимались лица со средним образованием, а не имеющие такового поступали вольнослушателями. Существовала и заочная форма обучения. По окончании института слушатели получали звание кандидата богословия.

ХПИ как самостоятельный вуз прекратил существование в марте 1935 г.: его студенты и преподаватели были переведены в тот же Институт Святого Владимира, который достраивал собственное здание и создавал новые факультеты. Первый выпуск на политехническом факультете (электромеханическое и инженерно-строительное отделения) состоялся в начале 1938 г., но в том же году по распоряжению японских властей Институт Святого Владимира был закрыт. Богословский факультет преобразовали в Богословский институт Святого Владимира, а политехнический факультет вошел составной частью в новое учебное

⁶ Дубань — в Китае высшее должностное лицо с военно-административными функциями.

заведение, Северо-Маньчжурский университет (СМУ), официально открытый в Харбине в марте 1938 г.

Помимо политехнического факультета с электромеханическим и инженерно-строительным отделениями, где обучались в течение четырех лет, в Северо-Маньчжурском университете имелся коммерческий факультет (бывший Коммерческий институт). Обучение продолжалось три года, большое внимание уделялось изучению экономики Азии, японского и китайского языков. «Кроме слушания лекций по соответствующим дисциплинам и лабораторных занятий, — писал журнал «Политехник», — студенты обоих факультетов имели соответствующее руководство и учебно-вспомогательные пособия для подготовки к экзаменационным сессиям. Лекторам приходилось издавать свои лекции, т. е. рукописи их отпечатывались на ротаторе и раздавались студентам. Лекторы старались выполнить все возможное для студентов, несмотря на неблагоприятные обстоятельства того времени, а именно: в старом здании Политехнического института тоже существовал институт, но лекции велись на японском и частично на китайском языке предпочтительно для японских и отчасти для китайских (или, как тогда говорили, маньчжурских) студентов. Большая часть технической библиотеки осталась в здании ХПИ и только часть была передана в СМУ. Купить справочники и технические книги в то время было трудно, а выписать занимало длительное время. Администрация, лекторский состав и студенты жили дружной семьей и шли навстречу друг другу. Академическая жизнь СМУ протекала гладко, без недоразумений» [Музыка, 1979. С. 34].

Университет был государственным учреждением и содержался в основном на субсидии. Обучение велось на русском языке, но некоторые занятия были на японском и китайском [Иогель, 1941. С. 7–9]. В качестве парадной формы студенты носили черную тужурку с металлическими наплечниками, на которых слвянской вязью были нанесены буквы «СМУ». Сначала занятия проводились в двух разных зданиях, но потом было снято помещение Украинского клуба. К 1941 г. Северо-Маньчжурский университет остался единственным высшим учебным заведением для русской эмиграции в Маньчжурии.

В 1945 г. после прихода в Китай Советской армии Северо-Маньчжурский университет был закрыт, и студенты перешли в восстановленный ХПИ, открытый советскими властями в ноябре 1945 г. Он существовал как русский вуз вплоть до 1957 г., пока не был передан КНР. В период 1925–1938 гг. ХПИ выпустил свыше 1 тыс. инженеров, в 1938–1957 гг. из него вышли еще 500–600 специалистов. Число китайских студентов в ХПИ в послевоенное время увеличилось многократно. К этому времени многие русские профессора уже владели китайским языком или имели китайских ассистентов.

Последний том «Известий Юридического факультета» под названием «Право и культура», увидевший свет уже после закрытия вуза китайскими властями, дал оценку усилиям инициаторов создания этого русского вуза. «По многим причинам, — писал в 1938 г. журнал «Луч Азии»⁷, — Харбин и его эмиграция войдут самостоятельно в историю российской эмиграции, и одной из главных причин к этому окажется то научное горение группы молодых профессоров, которые в 1920 г. в полудикой, колониального типа стране, не имевшей ни университетов, ни культурных соседних европейских стран, ни университетских традиций, ни библиотек, ни научных сил, кроме этих нескольких приезжих еще недавних российских приват-доцентов, ни специальных сумм, ни привыкшего жертвовать на учебные заведения культурного купечества, буквально из ничего создали на маньчжурском черноземе громадное, прекрасное высшее учебное заведение, признанное Сорбонной и всеми европейскими и американскими университетами, принимавшими наших питомцев на соответствующие курсы».

Попытки создать русские вузы (Русский технологический университет и Русский народный университет) предпринимались и в *Шанхае*, но они оказались неудачными: очень тяжело было конкурировать с иностранными учебными заведениями, а зарплата русских педагогов была очень низкой [Попытка создать..., 1938]. Между тем многие русские шанхайцы стремились получить образование и были прилежными студентами [О-Грилл, 1941. С. 11]. Самым крупным вузом Шанхая, где обучались русские, был Университет Сент-Джонса, принадлежавший Американской духовной миссии. Наряду с гуманитарными (факультет теологии) и техническими специальностями здесь обучали медицине. Выпускники медицинского факультета получали диплом, равноценный тому, что выдавала Медицинская школа Пенсильванского университета. Русская молодежь могла учиться и в шанхайском университете «Аврора», а также в различных колледжах, консерватории, частных музыкальных школах и школе живописи, где работали русские преподаватели, получавшие хорошую заработную плату.

Среди преподавателей Шанхайской национальной консерватории, основанной в 1927 г., большинство составляли русские. По классу рояля преподавали Б. С. Захаров, Б. М. Лазарев, З. А. Прибыткова и С. С. Аксаков, по классу скрипки — А. Фоа и Р. Герцовский, по классу виолончели — И. П. Шевцов, по классу флейты — А. Спиридонов, по классу пения — В. Т. Шушлин и П. Ф. Селиванов, который также вел и хоровой класс. «Оставив

**Русские вузы
в Шанхае
и Пекине**

⁷ № 48/8. С. 19.

в стороне излишнюю деликатность, — писал журнал «Феникс», — мы с глубочайшим удовлетворением отмечаем, что своим процветанием в большей степени консерватория обязана нашим русским музыкантам, случайно, волею судьбы заброшенным сюда, в далекий Китай» [Шанхайская музыкальная консерватория..., 1935. С. 9].

«В консерватории, — писал С. С. Аксаков, — мне приходится заниматься только в области рояля, так как все остальные теоретические предметы учащиеся проходят под руководством преподавателей китайцев. Раньше я вел там теоретические классы для русских учащихся, но за эти годы они успели успешно закончить у меня теоретические курсы, а новых русских учащихся в консерватории не имеется. При занятиях в моей студии я всегда настойчиво требую от ученика не только занятий по роялю, но и серьезного прохождения курса элементарной теории, гармонии, музыкальных форм и истории музыки. Мне кажется, что в настоящее время, в особенности для русских, музыкальный талант применим не столько на поприще артистической карьеры, сколько педагогической. Нам, эмигрантам, не имеющим родины, при выборе карьеры приходится добывать себе место на международном музыкальном рынке, что удается из тысячи одному» [Скиф, 1936. С. 21].

Некоторые педагоги опубликовали учебные пособия. Так, в 1934 г. П. Ф. Селиванов издал «Музыкальную хрестоматию», в которую вошли лекции, которые он в свое время прослушал в Санкт-Петербургской консерватории и Придворной певческой капелле [Селиванов, 1934]. Отмечены в книге и достижения известных композиторов-эмигрантов, живших в Европе.

В Пекине не было русских вузов, но профессора из России работали в китайских высших учебных заведениях. Старейшими преподавателями в Китайском институте русского языка и русской литературы были переводчики-востоковеды Я. Я. Брандт и И. Н. Веревкин. Китаевед И. С. Бруннерт, известный деятель Анτικοминтерна, был профессором Пекинского университета. Там же работал и профессор-китаевед С. А. Полевой, до этого преподававший русский язык и литературу в Нанкинском университете.

В Католическом и Цинхуаском университетах в Пекине преподавал с 1930 г. антрополог С. М. Широкогоров, известный своей обширной научной работой. «В области антропологии приготовлен к печати на английском языке капитальный труд под названием «Рост и Этнос». Этот труд находился в 1921 г. в наборе в одной из больших типографий Шанхая, но вследствие пожара, случившегося в этой типографии, не увидел света. Копия этого труда имеется и сохраняется в Пекине. Названный труд состоит из трех частей и шестнадцати глав и снабжен большим количеством таблиц, диаграмм, рентгеноскопических снимков, фотографий и т. п. Помимо этого С. М. [ихайлови]чем были собраны и обработаны

обширные материалы по физической антропологии Китая. Эти материалы охватывают собою антропологические наблюдения, произведенные над 10 000 отдельных лиц: тунгусов, маньчжуров, китайцев и т. п., собранные обширные фольклористические материалы, относящиеся к различным племенам тунгусской расы. Эти материалы включают в себя сказки, сказания, песни, шаманистические гимны и призывания и т. п. Среди этого материала имеется одна маньчжурская эпическая поэма в стихах, рассказывающая о давно прошедших событиях в Амурском крае. В области лингвистики составлены русско-тунгусский и тунгусско-русский словари, содержащие около 30 000 слов, и, помимо сего, лингвистические пояснения к некоторым тунгусским фольклористическим текстам. В области этнологии покойным профессором составлены также значительные труды. Он стремился построить этнологию на новых основаниях и всегда с первых лет научной деятельности придавал большое значение своим этнологическим работам общего характера. По его мнению, построенная на новых началах, этнология, как общая наука, может сыграть крупную роль, не только теоретически для науки, но и практически, для всякого народа, который сможет понять и освоить идеи, заключающиеся в этой науке», — писал 7 марта 1940 г. в его некрологе журнал «Возрождение Азии».

В 1931 г. на должность профессора истории в Цинхуаский университет в Пекине пригласили этнографа и антрополога И. И. Гапановича, и он около 20 лет преподавал там древнюю и русскую историю, написав несколько фундаментальных трудов об историческом синтезе. «По окончании войны, — писал современник, — осенью 1954 г. Иван Иванович очутился в Чунцине, откуда после месячного пребывания отправился в Пекин. Университет во время войны не пострадал, так как был занят госпиталем. Возвращались студенты, начиналась новая жизнь. После возвращения И. И. Гапанович продолжал работать как профессор истории, сначала в прежнем Цинхуаском университете, затем в национальном университете, а потом в Национальном Пекинском университете. После реорганизации высшей школы, вызванной революционными событиями в Китае, преподавал в том же университете русский язык и литературу» [Жернаков, 1971. С. 4–5]. Труд Гапановича о палеоазиатах, уже подготовленный к печати, погиб во время войны.

Политические события в Китае и Вторая мировая война заставили многих русских эмигрантов вновь искать убежища, и некоторые деятели высшего образования успешно продолжили академическую карьеру в США, Австралии и других странах. В. А. Рязановский с 1938 г. был профессором университета в Сан-Франциско. В 1939 г. после закрытия Пекинского университета

В разных странах

выехал в США С. А. Полевой, подписавший контракт с Гарвардским университетом (факультет восточных языков), где работал над Большим китайско-английским словарем. В июне 1941 г. к сыновьям в Сан-Франциско уехал профессор Г. К. Гинс. Он писал: «Период жизни в Харбине с 1932 по 1941 г. был самым трудным в жизни в экономическом и моральном отношении. Борьба за существование была нелегка. Местные фашисты открывали травлю против всех независимых лиц, очевидно, с благословения своих японских покровителей, стремившихся подчинить себе всех влиятельных русских людей. Тем не менее до конца оставался независимым и ни в каком учреждении руководимым японцами не работал, в отличие от других профессоров, которым не удалось обеспечить себя независимую работу»⁸. Профессор И. И. Гапанович после окончания Второй мировой войны эмигрировал в Австралию, где жил в Канберре и преподавал русский язык в университетском колледже.

Русские вузы в Китае оказали огромное влияние на развитие этой страны, в том числе ее высшей школы. Профессора и выпускники Юридического факультета деятельно участвовали в создании и утверждении новых законов КНР. После передачи Китаю ХПИ стал методическим центром и ежегодно принимал преподавателей со всей страны на курсы повышения квалификации. Русисты сформировали в Китае школу по изучению русского языка и культуры, а востоковеды внесли большой вклад в развитие российско-китайских отношений.

Бывшие студенты, многие из которых занимают высокие должности, тепло вспоминают годы обучения в харбинских вузах. Ассоциация выпускников ХПИ (Harbin Polytechnic Alumni Association) в США с 1948 г. проводит ежегодные встречи бывших студентов-политехников и благотворительные вечера. В 1968 г. на встрече в Сан-Франциско, где к тому времени проживали около 120 выпускников ХПИ, был создан фонд именной стипендии (председатель А. Ф. Никитин). Эту стипендию выдают молодым людям русского происхождения и детям выпускников ХПИ для получения степени бакалавра. Объединение выпускников ХПИ существует и в Сиднее (Австралия). С 1969 г. оно регулярно выпускает журнал «Политехник», который публикует хронику объединения, воспоминания, статьи по истории Харбина и Маньчжурии, новости из мира техники. Ассоциация бывших студентов-политехников имеется и в Новосибирске. Ее руководителем долгое время был инженер П. К. Фиалковский, выпускник ХПИ. Члены ассоциации выпускают журнал «На сопках Маньчжурии».

⁸ Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция Г. К. Гинса. В. 1 (Автобиограф.).

Литература

1. Автономов Н. П. Высшая школа в Харбине. К истории ее возникновения // Харбинские коммерческие училища. 1960. № 7. С. 26–33.
2. Автономов Н. П. Юридический факультет в Харбине: исторический очерк, 1920–1937 // Право и культура: Сборник в ознаменование семнадцатилетнего существования Юридического факультета в г. Харбине. Харбин, 1938. С. 3–84.
3. В институте Св. Владимира: Освящение здания и начало занятий // Луч Азии. 1936. Сентябрь.
4. Высшая школа в Харбине // Рубеж. 1937. № 33. 14 августа.
5. Г. К. Институт ориентальных и коммерческих наук // Политехник. 1979. № 10.
6. Жернаков В. Н. Профессор Иван Иванович Гапанович. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1971.
7. Закрытие Юридического факультета в Харбине // Новая заря. 1938. 12 января.
8. Золотарева Т. Педагогический институт // Политехник. 1975. № 7.
9. Иогель И. Северо-Маньчжурский университет выпустил около 150 эмигрантов — ценных специалистов // Рубеж. 1941. № 41/4. 11 октября.
10. История Юридического факультета в Харбине: Профессора и питомцы закрывшегося факультета рассеяны по всему свету // Новая заря. 1938. 17 марта.
11. Краткий очерк возникновения и деятельности Русско-китайского техникума в течение 1920/1921 учебного года и его задачи в будущем. Харбин: Изд-во Русско-китайского техникума, 1921.
12. Лидин Н. Русская эмиграция на Д.В. // Русские записки. 1937. № 1. С. 311–321.
13. Музыка (Васильева) В. Д. Воспоминания о Северо-Маньчжурском университете и коммерческом институте // Политехник. 1979. № 10.
14. Никифоров Н. И. Оазис русской культуры // Рубеж. 1934. № 34. 18 августа.
15. О-Грилли. «Оксфорд» Дальнего Востока: В Шанхае можно научиться чему угодно и получить любой диплом // Рубеж в Шанхае. 1941. № 47/20. 22 ноября.
16. Открытие института Святого Владимира в г. Харбине // Хлеб Небесный. 1934. № 11.
17. Попытка создать Русский народный университет в Шанхае // Новая заря. 1938. 9 июля.
18. Профессорско-преподавательский состав // Вестник Азии. 1926. № 53.
19. Рачинская Е. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Paris: YMCA-PRESS, 1990.
20. Селиванов П. Ф. Музыкальная хрестоматия. Шанхай, 1934.
21. Скиф. В студии композитора и педагога: У С. С. Аксакова // Феникс. 1936. 12 апреля.
22. Шанхайская музыкальная консерватория на новоселье // Феникс. 1935. 24 ноября.
23. Щелков А. А. Русско-Китайский политехнический институт в Харбине // Высшая школа в Харбине. 1922. № 1.

Russian Higher Education in China

Author **Amir Khisamutdinov**

Doctor of Sciences in History, Professor, Far Eastern Federal University. Address: 8 Sukhanova str., 690950, Vladivostok, Russian Federation. E-mail: khisamut@yahoo.com

Abstract In the first half of the 20th century, Russian emigrants in China created a network of higher education institutions based on the Russian pre-revolutionary education system. By analyzing periodical publications and memoirs, we can trace the history of major institutions: Harbin School of Law, Harbin Polytechnic University, State Higher Teacher Training Institute, Institute of Oriental and Commercial Sciences. These institutions were also the cradle for Chinese intelligentsia, with Russian professors successfully teaching future engineers, lawyers, orientalist scholars, teachers, theologians and musicians.

Keywords history of education, higher education, Russian education in China, emigration, Russian-Chinese relationships.

- References**
- Association of Russian Orientalists (1926) Professorsko-prepodavatelskiy sostav [Faculty]. *Vestnik Azii*, no 53.
- Avtonomov N. (1960) Vysshaya shkola v Kharbine. K istorii eyo vozniknoveniya [Higher School in Harbin. Towards the History of Its Foundation]. *Harbinskie kommercheskie uchilishcha*, no 7, pp. 26–33.
- Avtonomov N. (1938) Yuridicheskiy fakultet v Kharbine: 1920–1937. Istoricheskiy ocherk [Harbin School of Law: 1920–1937. Historical Sketch]. *Pravo i kultura: Sbornik v oznamenovanie vosemnadtsatiletnego sushchestvovaniya Yuridicheskogo fakulteta v g. Kharbine* [Law and Culture: Collection of Works to Celebrate the 18th Anniversary of Harbin School of Law], Harbin, pp. 3–84.
- G.K. (1979) Institut orientalnykh i kommercheskikh nauk [Institute of Oriental and Commercial Sciences]. *Politekhnik*, no 10.
- Gordeev M. N. (publ.) (1936) V institute Sv. Vladimira: Osvyashchenie zdaniya i nachalo zanyatiy [At St. Vladimir Institute: Consecration of the Premises and Beginning of Studies]. *Luch Azii*, september.
- logel I. (1941) Severo-Manchzhurskiy universitet vypustil okolo 150 emigrantov—tsennykh spetsialistov [North Manchurian University Graduates Nearly 150 Emigrant Experts]. *Rubezh*, no 41/4.
- Kaufman E. S. (publ.) (1937) Vysshaya shkola v Kharbine [Higher School in Harbin]. *Rubezh*, no 33.
- Lidin N. (1937) Russkaya emigratsiya na D.V. [Russian Emigration in the Far East]. *Russkie zapiski*, no 1, pp. 311–321.
- Muzyka (Vasilyeva) V. (1979) Vospominaniya o Severo-Manchzhurskom universitete i kommercheskom institute [Memories of North Manchurian University and Commercial Institute]. *Politekhnik*, no 10.
- Nikiforov N. (1934) Oazis russkoy kultury [An Oasis of Russian Culture]. *Rubezh*, no 34.
- O-Grilly (1941) “Oksford” Dalnego Vostoka: V Shankhae možhno nauchitsya chemu ugodno i poluchit lyuboy diplom [“Oxford” of the Far East: Learn Anything and Get Any Degree in Shanghai]. *Rubezh v Shankhaye*, no 47/20.
- Rachinskaya Y. (1990) *Kaleydoskop zhizni: Vospominaniya* [Kaleidoscope of Life: Memoirs]. Paris: YMCA-PRESS.
- Russian-Chinese College (1921) *Kratkiy ocherk vozniknoveniya i deyatelnosti Russko-Kitayskogo tekhnikuma v techenie 1920–1921 uchebnogo goda i*

- ego zadachi v budushchem* [Brief History of Establishment and Activities of the Russian-Chinese College in Academic Year 1920/21 and Its Future Missions]. Harbin: Russian-Chinese College.
- Selivanov P. F. (1934) *Muzykalnaya khrestomatiya* [Musical Chrestomathy]. Shanghai.
- Shakhmatov S. G. (1935) Shankhayskaya muzykalnaya konservatoriya na novoselye [New Home for Shanghai Conservatory of Music]. *Feniks*, November, 24.
- Shchelkov A. (1922) Russko-Kitayskiy Politekhicheskiy institut v Kharbine [Russian-Chinese Polytechnic Institute in Harbin]. *Vysshaya shkola v Kharbine*, no 1.
- Skif (1936) V studii kompozitora i pedagoga: U S. S. Aksakova [In a Composer and Teacher's Studio: At Sergei Aksakov's]. *Feniks*, April, 12.
- Sukhanov P. N. (publ.) (1934) Otkrytiye instituta Svyatogo Vladimira v g. Kharbine [Opening of St. Vladimir Institute in Harbin]. *Khleb Nebesny*, no 11.
- Sukhov G. T. (publ.) (1938) Istoriya Yuridicheskogo fakulteta v Kharbine: Professora i pitomtsy zakryvshegosya fakulteta rasseyany po vsemu svetu [History of Harbin School of Law: Professors and Alumni of the Closed School Are Scattered All Over the Globe]. *Novaya zarya, San Francisco*, March, 17.
- Sukhov G. T. (publ.) (1938) Popytka sozdat Russkiy narodny universitet v Shankhaye [An Attempt to Establish a Russian People's University in Shanghai]. *Novaya Zarya, San Francisco*, July, 9.
- Sukhov G. T. (publ.) (1938) Zakrytie Yuridicheskogo fakulteta v Kharbine [Closing of Harbin School of Law]. *Novaya zarya, San Francisco*, January, 12.
- Zhernakov V. (1971) *Professor Ivan Ivanovich Gapanovich* [Professor Ivan Gapanovich]. Melbourne: Melbourne University.
- Zolotareva T. (1975) Pedagogicheskiy institute [Teacher Training Institute]. *Politekhnik*, no 7.